

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34

DOI: 10.17223/1998863X/49/11

Т.В. Гаврилюк

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МОЛОДЕЖИ НОВОГО РАБОЧЕГО КЛАССА: РЕАЛЬНОСТЬ И НОРМАТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ¹

В исследовании комбинируются анализ жизненного пути как структурно организованной целостности и феноменологическая перспектива в изучении жизненных стратегий молодежи нового рабочего класса современной России. На основании анализа данных биографического интервью и массового опроса изучены способы воплощения классовых нормативных паттернов, их соответствие индивидуальным жизненным стратегиям, механизмы конструирования и легитимации.

Ключевые слова: рабочий класс, рабочая молодежь, жизненный путь, жизненные стратегии.

Введение

Масштабные изменения глобального капиталистического порядка в конце XX в. породили новые формы классового угнетения и эксплуатации в мировом масштабе [1, 2]. В постсоветской России перестройка секторов экономики, идеологически базировавшаяся на специфической форме неолиберализма, завершилась насильственной деиндустриализацией, стремительным ростом precarious труда и распространением теневых экономических практик [3. С. 22]. Глобальные исследовательские центры фиксируют рост социального неравенства в России в последние несколько лет [4. С. 159]. В текущих социально-экономических условиях наиболее уязвимой группой является молодежь рабочего класса, в том числе и работники сервисного сектора, в постиндустриальную эпоху конвенционально относимые в научном дискурсе к рабочему классу [5. С. 198; 6. С. 433].

Данная статья посвящена выявлению доминирующих нормативных паттернов, структурирующих жизненный путь молодежи нового рабочего класса на эмпирическом примере Уральского федерального округа России. Апробируя возможности пересечения двух теоретических полей англоязычного дискурса социальных наук – исследований нового рабочего класса (new working-class studies) и исследований жизненного пути (life course studies), мы концентрируемся на применении классовых нормативных паттернов и их соотносительности с индивидуальной жизненной стратегией молодых рабочих.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Обзор литературы

Новая перспектива в исследовании проблематики социального неравенства появилась в Великобритании и США, когда в конце 1990-х гг. на пересечении академической традиции и социально-политического активизма возникло междисциплинарное поле *new working class studies* как дискуссионная площадка, нацеленная на решение практических социальных проблем [7]. Участники исследовательского поля ставили перед собой задачу расширения границ теоретического понимания класса, включив в него проблемы идентичности и жизненного стиля рабочих в изменившемся культурном ландшафте, при этом не отвергая идеи материального базиса классовых структур. Авторы анализировали такие вопросы, как последствия неолиберализма для рабочего класса [8], негативные медиарепрезентации данной социальной группы как форма контроля и закрепления существующей структуры социального неравенства [9], культурный и социальный капитал как основополагающий фактор классовой дифференциации [10] и др.

Из отечественного социологического дискурса термин «рабочий класс» исчез в постсоветский период ввиду его ассоциации исключительно с марксизмом-ленинизмом, который был отвергнут научным сообществом. Теоретический поиск российской социологии конца 1990-х – начала 2000-х гг. завершился описанием социальной дифференциации в терминах структурного функционализма и до сих пор остается в этих концептуальных рамках. В отечественной традиции было принято противопоставлять стратификационный и классовый подходы, причем последний ассоциировался исключительно с марксизмом, в то время как в западной социологии «классы» исторически являлись частью дискурса о стратификации в его различных концептуальных вариантах. Сегодня конвенциональный подход российской социологии трактует «средний класс» как страту, а «рабочий класс», представляющий собой большинство населения, остается без имени или заменяется эвфемизмами (например, «базовый слой» в работах Т.И. Заславской) [11]. Рабочие как социальная группа, а не как класс, периодически становятся объектом эмпирических исследований, однако внимание традиционно сосредоточено лишь на работниках промышленного производства [12]. Следовательно, классовый анализ остается неактуализированным подходом в современной российской социологии, не определены критерии, которые могли бы отделить рабочий класс от других социальных групп.

Концептуализация понятия «новый рабочий класс»

Анализ современного исследовательского поля позволил определить критерии для отделения нового рабочего класса (НРК) от других классов и стратификационных групп: отношение к собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. Базируясь на данных основаниях, под *новым рабочим классом современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся*. Новый рабочий

класс не является гомогенным образованием, его внутренняя дифференциация связана с влиянием таких факторов, как форма найма, сфера занятости, уровень доходов, степень рутинизации труда, стиль жизни и культурный капитал. Традиционный промышленный рабочий класс при этом представляет собой лишь одну из подгрупп внутри нового рабочего класса и более не способен формировать смысловые основания коллективной идентичности в условиях глобального доминирования неолиберальной идеологии и постиндустриализма.

Методы и задачи исследования

Сбор данных и выборочная совокупность. Эмпирическим фундаментом исследования являются данные массового опроса и глубинного биографического интервью. Сбор количественных данных осуществлялся с апреля по июль 2018 г. в Уральском федеральном округе (далее – УрФО), включая три крупных города (Екатеринбург, Тюмень, Курган) и типичные сельские поселения в этой местности. В качестве объекта массового опроса выбрана молодежь нового рабочего класса в возрасте от 15 до 29 лет, проживающая на территории УрФО. Участниками исследования выступили 1 534 респондента, использована целевая многоступенчатая выборка по четырем объективным критериям: возраст (около 500 человек в каждой из возрастных групп, соответствующих периодизации когорт в официальной статистике РФ: 15–19 (33%), 20–24 (33,4%) и 25–29 (33,6%) лет; пол – мужской (50,3%) и женский (49,7%); место жительства – город (76,2%) и сельская местность (23,8%) в соответствии с распределением населения в УрФО; сфера занятости – промышленность и техническое обслуживание (45,2%) и клиентский сервис (54,8%). Обработка результатов исследования осуществлялась в статистическом пакете IBM SPSS Statistics Version 20.

Качественное исследование проводилось с февраля по август 2018 г. в Тюмени. Для обеспечения доверия между интервьюером и информантом в процессе беседы отбор участников производился методом снежного кома, начиная с ближайшего окружения членов научного коллектива. Все участники на момент интервью были заняты на профессиональных позициях рабочего класса, при этом не являясь студентами вузов очной формы обучения. Выборочная совокупность составила 31 информанта: 14 из них являлись представителями «традиционного» рабочего класса, занятыми в сфере промышленности, добычи полезных ископаемых, строительства и технического обслуживания; 17 участников выполняли обязанности на должностных позициях в сфере ритейла и других видов клиентского сервиса. Каждое интервью длилось от 40 минут до 2,5 часов, все сессии базировались на детализированном гайде интервью, записаны на диктофон и транскрибированы дословно.

Дизайн исследования и анализ. Исследование опирается на стратегию микс-методов, где количественные данные позволяют выделить наиболее общие тренды, а также структурные барьеры и ограничения, характеризующие жизненный путь молодого представителя нового рабочего класса, а качественные данные открывают герменевтическую перспективу в исследовании ценностей, нормативных паттернов и жизненных стратегий, способы их легитимации и специфические формы применения молодежью НРК. Таким образом, на первой стадии работы для выявления общих тенденций были ис-

пользованы основные виды статистического анализа данных количественного исследования (частотный анализ и анализ таблиц сопряженности). На втором этапе был осуществлен анализ массива данных биографического интервью с помощью совокупности приемов: секвенциальное деление текстового массива; кодирование секвенций в целях поиска закономерностей и типики в высказываниях информантов; конденсация смысла высказываний, цитирование наиболее репрезентативных из них; рефлексивный анализ с опорой на категориальное поле феноменологии.

Задачи исследования. Для раскрытия ключевых исследовательских вопросов были рассмотрены базовые траектории жизненного пути (образовательная, семейная и карьерная) и изучены следующие аспекты:

- нормативные темпоральные ограничения и предпочитаемая последовательность основных жизненных событий (завершение образования, трудоустройство на полный рабочий день, первое карьерное продвижение, вступление в брак, рождение первого ребенка);
- корреляция между реальной и желаемой темпоральностью и последовательностью ролевых переходов;
- сохранение традиционных классовых нормативных паттернов жизненного пути или их замещение другими паттернами и ценностями в период взросления.

Траектории жизненного пути российской молодежи нового рабочего класса

Мы рассматриваем жизненный путь в конвенциональном смысле как упорядоченную во времени последовательность событий и ролевых переходов в течение жизни [13. С. 56]. События, которые информанты биографического интервью описывали в качестве поворотных моментов жизненного пути, мы трактуем как базовые ролевые переходы, определяющие процесс взросления. Респондентам массового опроса было предложено ответить на вопрос: «В каком возрасте, по вашему мнению, лучше всего...?»

Таблица 1. Нормативные темпоральные установки молодежи НРК относительно перехода во взрослую жизнь, % от количества опрошенных

«В каком возрасте, по вашему мнению, лучше всего...?»	до 18 лет	18–24 года	25–29 лет	30–34 года	после 35 лет	Не обязательно в жизни	Всего
Получить профессиональное образование	19,4	73,4	4,4	0,2	0,1	2,5	100
Жениться	0,6	36,1	51,6	5,1	1,2	5,3	100
Завести первого ребенка	0,4	23,9	57,4	12,0	0,9	5,4	100
Начать работать	29,4	57,1	11,5	1,3	0,2	0,4	100
Получить первое продвижение по службе	1,2	35,9	46,2	10,3	0,8	5,6	100
Стать руководителем	0,7	7,4	30,6	36,9	11,9	12,4	100

Как показывает табл. 1, традиционные маркеры успешного перехода во взрослую жизнь сохраняют свою значимость для рабочей молодежи, как и традиционные возрастные рамки ролевых переходов, предписывающие завершение процесса взросления в 30 лет. Данные демонстрируют распространенную в российском обществе нормативную ориентацию на создание семьи в период с 20 до 30 лет, раннее начало трудовой деятельности и быстрое

карьерное продвижение, однако последовательность указанных событий специфична для представителей рассматриваемого социального класса: 29,4% опрошенных выразили готовность начать работать в возрасте до 18 лет, абсолютное большинство уверено в необходимости комбинирования учебы и работы. Корреляция личных планов и нормативных темпоральных паттернов была выявлена в ходе дальнейшего анализа.

Что касается образовательных траекторий молодежи нового рабочего класса, табл. 2 отражает соответствие нормативных ожиданий и реального образовательного уровня респондентов: 92,8% опрошенных уверены, что они должны получить профессиональное образование в возрасте до 24 лет, что соответствует реальности – 83,1% молодежи в возрастной когорте от 20 до 24 лет получают образование или уже завершили этот процесс.

Таблица 2. Образовательный уровень молодежи нового рабочего класса, % от возрастной группы

Уровень образования	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет
Неполное среднее образование	20,3	4,7	1,9
Среднее образование	21,7	12,2	7,4
Начальное профессиональное образование	10,4	7,5	10,1
Среднее профессиональное образование	24,3	43,9	53,8
Незаконченное высшее образование	22,1	20,9	9,9
Высшее образование	1,2	10,8	16,9
Всего:	100	100	100

В то же время легитимация необходимости получения образования и отношение к нему варьируют в разных возрастных когортах: значимость высшего образования снижается в старшей группе, оценка среднего профессионального образования остается неизменной, а надежда на удачу и счастливую случайность как катализатор жизненного успеха возрастает (рис. 1). Намерение продолжать профессиональное образование выразили 50% респондентов.

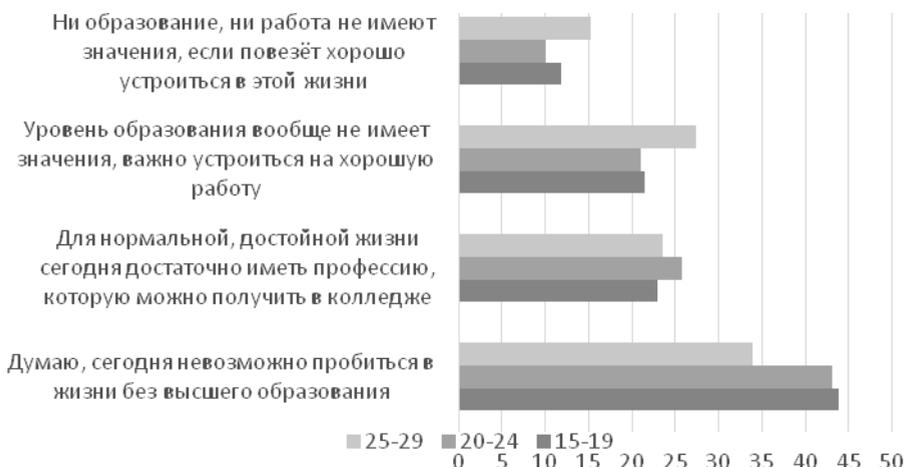

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какой уровень образования необходим сегодня, чтобы достичь успеха в жизни?» (в % от возрастной группы)

Среди выборочной совокупности интервьюируемых только сервисные работники имели высшее образование или получали его в данный момент, но никто из них не работал по специальности. Большинство выбрали специальность обучения спонтанно, под влиянием обстоятельств или под давлением родительского авторитета:

Алёна, 24, администратор магазина одежды: *«В первую очередь это все-таки желание не разочаровать родителей... просто хотелось получить хороший балл, поступить на бюджет и чтобы все от меня отстали»* (степень бакалавра, зоотехник).

Алина, 25, администратор салона красоты: *«А потому что там (в г. Пыть-Ях, север Тюменской области. – прим. авт.) только оно есть. Большие ничего не было»* (степень бакалавра, экономика).

Большинство информантов не рассматривают свой опыт пребывания в учреждениях высшего профессионального образования как полезный, признавая лишь его формальное значение для получения работы и будущего карьерного продвижения:

Сергей, 22, менеджер по работе с клиентами: *«У нас в стране ничего не добьешься, если у тебя нет высшего образования, любого – не важно какого... можно и без образования, многие люди добиваются успехов, но если ты без образования, то тебе нужно иметь какие-то связи»* (получает высшее образование в сфере физической культуры).

Анастасия, 21, продавец-консультант в магазине одежды: *«Главное, чтобы человек был умный, и даже и без образования человек может открыть какую-нибудь свою компанию, фирму, организацию»* (получает высшее образование в сфере социокультурной деятельности).

В отличие от работников сервиса, никто из опрошенных нами молодых представителей традиционного рабочего класса, занятых в сфере промышленности, строительства и добычи полезных ископаемых, не имел высшего образования на момент проведения интервью. Начальное и среднее профессиональное образование оценивалось ими как более полезное и значимое в сравнении с высшим образованием. Было выявлено два основных паттерна легитимации данного отношения: опыт значимых других (родители и друзья) и системные ограничения (прежде всего корпоративные требования):

Илья, 29, слесарь КИПиА: *«В институт не планирую поступать, и так все устраивает. Да и не вижу смысла. Пацаны закончили институты – работают так же, как я. Сейчас образование вообще нафиг, техникума вполне достаточно»* (СПО по специальности, бросил университет).

Евгений, 28, электрик: *«В универ было глупо даже мечтать идти... Да и денег не было. У меня родители без высшего образования нормально прожили, и я смогу»*. Об образовательных намерениях: *«Нафига это надо? Я посижу – разберусь быстрее, так только время терять. Куда мне очередная бумажка?.. Я руками работать умею. Это видно, и это ценят»* (НПО по специальности).

Следующим исследовательским вопросом выступило соответствие семейных нормативных паттернов и реального демографического поведения молодежи нового рабочего класса. Одной из наиболее интересных тенденций является различие между намерениями в семейной сфере и реальным семейным статусом респондентов.

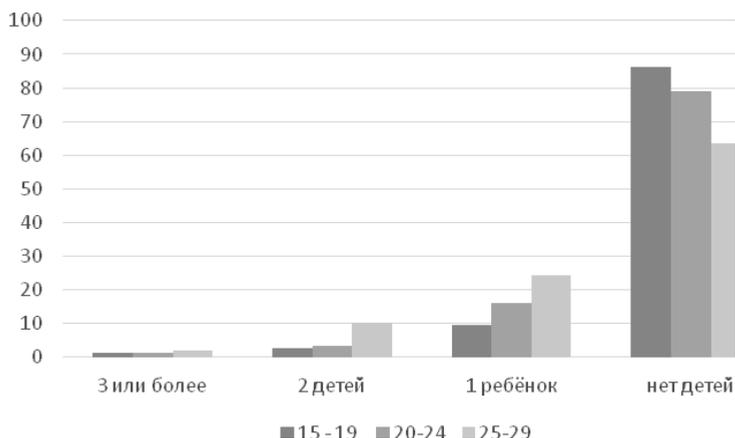

Рис. 3. Количество детей в семьях молодежи нового рабочего класса (в % от возрастной группы)

Как показывает рис. 3, 80,6% рабочей молодежи убеждены, что лучше обзавестись первым ребенком в возрасте до 30 лет, однако в реальности 63,5% представителей старшей и 79,1% средней возрастной когорты не имеют детей. Различий в репродуктивном поведении между промышленной и сервисной частью рабочей молодежи установлено не было.

Исходя из интервью, семья остается основополагающей ценностью для опрошенных молодых людей. Большинство информантов, не состоящих в браке, высказывают намерение создать семью в ближайшие несколько лет. Для юношей как промышленного, так и сервисного сектора ключевым остается традиционный паттерн мужчины-добытчика, обычно они в большей степени связывают создание семьи и рождение детей с влиянием внешних факторов, таких как социальная нормативность, стабильная работа и достаточный доход, нежели с внутренней готовностью или эмоциональными состояниями:

Николай, 29, автомеханик: *«Уже мне пора – через два дня тридцать лет исполнится. Можно и раньше – у кого как получается, здесь сроки устанавливать какие-то не нужно, стандарты... Я планирую оформить отношения и ребенка родить в ближайший год».*

Виталий, 22, охранник: *«О семье я еще не задумывался и не буду задумываться до тех пор, пока сам не встану на ноги крепко... Тут надо подумать, сможешь ли ты обеспечить ребенка, чтобы не было такого, что батя спился, мать пропала, а ребенок в детдоме. Надо знать, что ты сможешь это вывезти финансово, физически. Я не могу, например, это сделать. В моей ситуации если я уделю время семье – я потерял деньги. Как-то так».*

Следовательно, высказывание одного из первых исследователей маскулинности рабочего класса А. Толсона, относящееся к концу 1970-х гг., не потеряло актуальности и по-прежнему отражается в коллективных установках рабочей молодежи: *«В нашем обществе основной критерий мужественности – это зарплата»* [14. С. 58].

Почти все информанты-девушки демонстрируют намерение выйти замуж и родить ребенка, их высказывания на эту тему обладают характером само собой разумеющегося знания, не подвергающегося сомнению и не нуж-

дающегося в легитимации в рамках их жизненного мира. Лишь в одном интервью присутствует отсылка к текущему финансовому и социальному статусу, а также выражены профессиональные и карьерные намерения, остальные интервьюированные девушки уже были замужем или выражали общие стремления стандартными фразами: «как все, я однажды выйду замуж и заведу детей». В сравнении с информантами мужского пола матримониальные планы женщин выражены менее четко, в общих формулировках, что может интерпретироваться как убеждение в отсутствии возможности влиять на данный процесс или контролировать его в условиях патриархального социального порядка, где брачное предложение традиционно исходит от мужчины.

Вышеописанные тенденции могут также найти объяснение не только в восприятии информантами необходимых для создания семьи условий, но и структурными факторами, связанными с качеством их жизни. Как демонстрирует рис. 4, уровень дохода опрошенной молодежи нового рабочего класса низкий, кроме того, женщины гораздо чаще заняты на низкооплачиваемых рабочих должностях, чем мужчины. Более половины респондентов имеют доход на уровне, достаточном лишь для выживания и не позволяющим делать даже незначительные накопления.

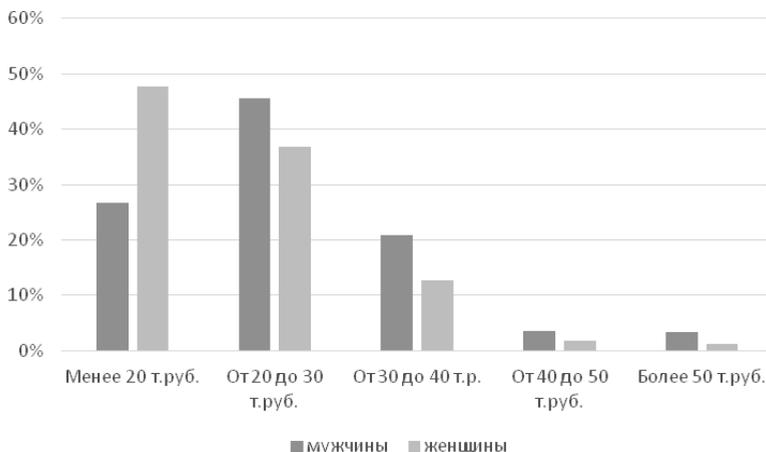

Рис. 4. Уровень доходов молодежи нового рабочего класса (в % от гендерной группы)

Представления о материальном благополучии и тренды экономического поведения, характерные для молодежи среднего класса крупных городов, не находят поддержки у провинциальной молодежи рабочего класса: 75,3% опрошенных разделяют убеждение о том, что взрослая жизнь начинается с владения недвижимостью, еще 11,3% полагают, что собственная квартира нужна только при наличии семьи. Только 7,7% респондентов готовы жить в арендованной квартире, 5,6% рассматривают возможность проживания с родителями в будущем. При этом 36,1% опрошенной молодежи имеют кредиты, и примерно треть из них не справляется с кредитной нагрузкой. В интервью молодые люди также выражают готовность к воплощению своих планов о собственной квартире, но лишь немногие могут позволить себе ипотеку (среди нашего массива это были работники автомобильной и нефтегазовой отрасли) со средней российской ставкой по ипотеке в 9,8% [15].

Путь к успешной взрослой жизни: оценка индивидуальных и структурных факторов

Для понимания различий нормативных ориентаций и паттернов достижения жизненного успеха между российской молодежью рабочего и среднего классов мы сравнили текущую выборочную совокупность и результаты нашего предыдущего исследования студентов высших учебных заведений, проведенного в 2016 г. [16] (рис. 5). Объяснимо, что студенты в большей степени склонны выбирать постоянное самообразование и настойчивость в достижении целей как ключевые факторы успеха по сравнению с рабочей молодежью. Однако доверие к институциональному образованию скорее низкое в обеих группах, так же как и надежда на получение диплома престижного вуза, который недоступен для большинства провинциальной молодежи. В целом можно выделить тенденцию у студентов возлагать больше надежд на саморазвитие (57,4%), совершенствование талантов (16,8%) и использование особых личностных качеств (22,1%), в то время как молодежь рабочего класса подчеркивает необходимость знакомств с «правильными» людьми или наличие родственников, способных ускорить карьерное продвижение (23%). Интересно, что лишь часть опрошенных студентов (13,9%) рассматривают удачный брак как определяющий фактор жизненного успеха, в то время как среди их сверстников из рабочей среды такой сценарий рассматривают лишь 6,2%.

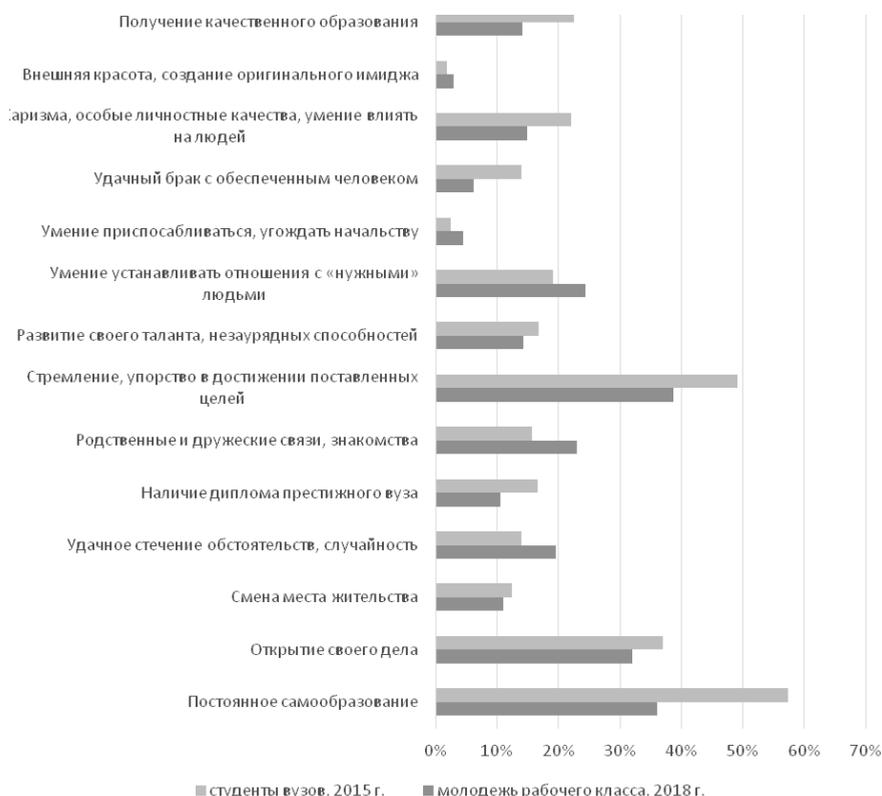

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Каким Вы видите для себя наиболее оптимальный путь достижения жизненного успеха в будущем (укажите не более трех вариантов)?» (в % от количества опрошенных в каждой группе)

В то же время мы можем прийти к заключению, что горизонт ожиданий у рабочей молодежи менее определен, они более склонны к вере в случайность, удачное стечение обстоятельств (19,5%)

Данные интервью подтверждают вышеописанные тренды, 8 из 17 опрошенных сервисных работников и 8 из 15 информантов, занятых в сфере промышленности, нашли работу или ожидают карьерного продвижения в будущем с помощью родственников, друзей или «правильных» знакомых:

Антон, 26, рабочий сцены: *«Ну естественно, живем в России-матушке, поэтому сарафанное радио, знакомые знакомых, знакомые родителей, знакомые друзей – никто не отменял...»*

Дамир, 23, продавец в магазине бытовой техники, описывает свой первый опыт работы электриком: *«Меня взял к себе мой друг, с которым я учился в школе, в свою очередь, моего друга взял на работу к себе дядя, который имеет свой бизнес».*

Вторым по популярности способом поиска работы среди информантов является, безусловно, использование специализированных ресурсов Интернета.

Рассуждая о будущем, информанты обычно демонстрируют очень короткий горизонт ожиданий, связанный с индивидуальными целями, но при этом не обладают стратегией их достижения. Большинство из них отсылает к нестабильности и непрогнозируемости будущего, что, по их мнению, делает любые попытки рационального планирования бессмысленными:

Егор, 29, менеджер по лизингу: *«В современном мире планировать дальше, чем на пару дней или недель, – дело неблагодарное, ты должен быть таким супер-мозгом, чтобы просчитать все возможные варианты развития событий. Для меня главные задачи – это выплатить ипотеку, отблагодарить всех друзей за помощь и обзавестись потомством».*

Большая часть молодежи нового рабочего класса не пытается просчитать возможности и ограничения их социального окружения, полагаясь на спонтанные жизненные перемены. Распространенные мотивы, легитимирующие возможность «плыть по течению», – страх разочарования или отсутствие амбиций:

Алёна, 24, администратор в магазине одежды: *«...когда ты течешь по течению... ты потом легче воспринимаешь какие-то, не знаю, удары судьбы, ну, проще ко всему относиться, нежели когда ты планируешь, потом ты разочаровываешься, тебе плохо от этого».*

Евгений, 28, электрик: *«Вообще не люблю планы. Сначала думал, может, в институт какой пойду. А потом – да не. Я не особо грамотный. Да и только план построишь – бац, и какая-то х*** творится. Бесит. Хотел только машину купить. Был такой план».*

Антон, 26, рабочий сцены, рассказывает о своих планах на момент окончания средней школы: *«Я планировал свое будущее примерно на уровне того, чтобы не спиться и не бомжевать под мостом...».*

Кроме того, большинство информантов демонстрируют низкий уровень гражданского участия, разделяя распространенное убеждение о том, что их голос не будет услышан в нашем обществе, где все важные вопросы решаются «сверху», без принятия в расчет позиций разных групп гражданского общества.

Выводы

Исследование доминирующих нормативных паттернов молодежи нового рабочего класса показало сохраняющуюся значимость традиционных структур жизненного пути и способов их темпоральной организации. Данные демонстрируют распространенную в российском обществе нормативную ориентацию на создание семьи в период с 20 до 30 лет, раннее начало трудовой деятельности, совмещаемое с получением профессионального образования, и быстрое карьерное продвижение. Вместе с тем текущие социальные условия (уровень заработной платы, ипотечная ставка, доступность и качество высшего образования, взаимосвязь между образованием и требованиями рынка труда и т.д.) не позволяют исследуемой группе реализовывать указанные стратегии в полной мере. Сравнение оценок жизненных перспектив рабочей и студенческой молодежи позволило обнаружить, что представители рабочего класса чаще всего ограничены близким горизонтом ожиданий, связанных с индивидуальными намерениями, при этом не обладая стратегией достижения долгосрочных целей. Ссылаясь на нестабильность и непрогнозируемость будущего, они считают любые попытки рационального планирования бессмысленными. Большая часть молодежи нового рабочего класса не пытается просчитать возможности и ограничения их социального окружения, полагаясь на спонтанные жизненные перемены и веру в удачное стечение обстоятельств. Данная точка зрения распространяется и на трудовые стратегии, где надежды в большей степени возлагаются на знакомства с «правильными» людьми или наличие родственников, способных ускорить карьерное продвижение. Востребованные молодежью среднего класса нормативные паттерны профессионального развития, такие как отказ от институционального образования и фриланс, рабочей молодежью используются как средства оправдания существующих классовых барьеров, невозможности доступа к качественному образованию или фундаментального недоверия базовым социальным институтам. Ввиду данных обстоятельств молодые рабочие выбирают жизненные стратегии адаптации и выживания, ограничивающие реализацию их профессионального и культурного потенциала и закрепляющие негативные социальные настроения. В долгосрочной перспективе подобные тенденции могут рассматриваться как достаточные причины для обострения классового конфликта и роста протестных настроений в среде молодежи нового рабочего класса.

Литература

1. Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous Identities. London ; New York : Verso, 1991.
2. Boltanski L., Chiapello E. The new spirit of capitalism. London ; New York : Verso, 2007.
3. Тоценко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М. : Наука, 2018.
4. Global Wealth Databook // Credit Suisse Research institute. URL: <https://publications.credit-suisse.com/?referralUrl=http://publications.credit-suisse.com/index.cfm/publikationen-shop/research-institute/global-wealth-databook-2018-en/> (дата обращения: 17.12.2018).
5. Bennet T., Savage M., Silva E., Warde A., Gayo-Cal M., Wright D. Culture, Class, Distinction. London : Routledge, 2009.
6. Shalev M. Class Divisions among Women // Politics & Society. 2008. № 36 (3). P. 421–444.
7. Linkon S.L., Russo J. Twenty years of working-class studies: Tensions, values, and core questions // Journal of Working-Class Studies. 2016. Vol. 1, is. 1. P. 4–13.
8. Zweig M. The working-class majority. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2000.

9. Jones O. Chavs: The Demonization of the Working Class. London : Verso, 2012.
10. Savage M. Class analysis and social transformation. Buckingham : Open University Press, 2000.
11. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
12. Карханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А. Труд и досуг рабочих: программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования // Институт социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> (дата обращения: 17.12.2018).
13. Jackson P.B., Berkowitz A. The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions // The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? Advances in Life Course Research. 2005. Vol. 9. P. 55–90.
14. Tolson A. The limits of masculinity. London : Tavistock, 1977.
15. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://cbr.ru/statistics/pdko/Mortgage/> (дата обращения: 17.12.2018).
16. Гаврилюк Т.В. Социальная мобильность и образ будущего молодежи в биографических нарративах успешности // Гаврилюк В.В., Мехришвили Л.Л., Скок Н.И., Гаврилюк Т.В., Маленков В.В. Особенности социальной мобильности молодежи XXI века. Тюмень : ТИУ, 2016. С. 8–54.

Tatiana V. Gavriilyuk, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: tv_gavriilyuk@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 101–113.

DOI: 10.17223/1998863X/49/11

THE LIFE COURSE OF THE NEW WORKING-CLASS YOUTH: THE REALITY AND NORMATIVE PATTERNS

Keywords: working class; working-class youth; life course; life strategies.

The subject domain of the study is life patterns and strategies of the Russian new working-class youth. Exploring the relationship between the new working-class studies and life course studies, this research combines the consideration of a life course as a structurally organized integrity with a phenomenological perspective on the study of life strategies. The notion of the “new working class” and the criteria for its definition have been proposed and substantiated. Biographical in-depth interviews of 31 young working-class representatives and a mass poll of 1532 respondents were used to focus on the implementation of class normative patterns and to determine their consistency with individual life strategies and with means by which these patterns are constructed and legitimized in the context of the structural strengths and constraints of society with an extremely high degree of social inequalities and the precarity of youth labour. To disclose the dominant normative patterns that structure the life course of the Russian working-class youth as the main research question of this article, the author considered the main life course trajectories (education, family and career) and sought to measure and understand the following aspects: normative temporal limitations and the preferred sequence of the main role transitions (finishing education, full-time job, first career promotion, marriage, having a first child); the correlation between the real and preferable time and sequence of role transitions; the preservation of traditional class distinctions within life course normative patterns or their inversion, differentiation or displacing by other patterns and values during the period of emerging adulthood. The study has shown the remaining significance and value of the traditional life course structures while current social conditions (wages, mortgage rate, the access to higher education and its quality, the interrelation between education and market requirements, etc.) do not allow to fulfil this life strategy any longer. The trendy normative patterns of the middle-class youth (refusal from institutional education, freelance jobs) are used as tools legitimating the existing class barriers, lack of access to education, fundamental lack of trust to major social institutions. Due to these reasons, young workers choose the adaptation and survival life strategies which restrict their professional and cultural potential realization and create a negative social mood.

References

1. Balibar, E. & Wallerstein, I. (1991) *Race, Nation, Class. Ambiguous Identities*. London, New York: Verso.

2. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2007) *The New Spirit of Capitalism*. London; New York: Verso.
3. Toshchenko, Zh.T. (2018). *Precariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: from a proto-class towards a new class]. Moscow: Nauka.
4. Global Wealth Databook. (2018) *Credit Suisse Research Institute*. [Online] Available from: <https://publications.credit suisse.com/?referralUrl=http://publications.credit suisse.com/index.cfm/publication-shop/research-institute/global-wealth-databook-2018-en/>. (Accessed: 17th December 2018).
5. Bennet, T., Savage, M., Silva, E., Warde, A., Gayo-Cal, M. & Wright, D. (2009) *Culture, Class, Distinction*. London: Routledge.
6. Shalev, M. (2008) Class Divisions Among Women. *Politics & Society*. 36(3). pp. 421–444. DOI: 10.1177/0032329208320570
7. Linkon, S.L. & Russo, J. (2016) Twenty years of working-class studies: Tensions, values, and core questions. *Journal of Working-Class Studies*. 1(1). pp. 4–13.
8. Zweig, M. (2000) *The Working-Class Majority*. Cornell University Press.
9. Jones, O. (2012) *Chavs: The Demonization of the Working Class*. London: Verso.
10. Savage, M. (2000) *Class Analysis and Social Transformation*. Buckingham: Open University Press.
11. Zaslavskaya, T.I. (1997). Sotsial'naya struktura sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Social structure of the modern Russian society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 5–23.
12. Karkhanova, T.M., Bessokirnaya, G.P. & Bolshakova, O.A. (2014) *Trud i dosug rabochikh: programma, instrumentarii i nekotorye predvaritel'nye rezul'taty povtornogo issledovaniya* [The labour and leisure of workers. The program, instruments and some preliminary results of the repeated research]. [Online] Available from: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>. (Accessed: 17th December 2018).
13. Jackson, P.B. & Berkowitz, A. (2005) The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions. In: Macmillan, R. (ed.) *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? Advances in Life Course Research*, Vol. 9. Elsevier. pp. 55–90.
14. Tolson, A. (1977) *The Limits of Masculinity*. London: Tavistock.
15. Central Bank of the Russian Federation. (n.d.) *Pokazateli rynka zhilishchnogo (ipotechnogo zhilishchnogo) kreditovaniya* [Housing (Mortgage) Loan Market Indicators]. [Online] Available from: <http://cbr.ru/eng/statistics/default.aspx?Prtd=ipoteka>. (Accessed: 17th December 2018).
16. Gavriilyuk, T.V. (2016) Sotsial'naya mobil'nost' i obraz budushchego molodezhi v biografiche-skikh narrativakh uspekhov [Youth social mobility and the image of the future in the biographical narratives of success]. In: Gavriilyuk, V.V., Mekhreshvili, L.L., Skok, N.I., Gavriilyuk, T.V. & Malenkov, V.V. *Osobennosti sotsial'noy mobil'nosti molodezhi XXI veka* [The specificity of youth social mobility in the 21st century]. Tyumen: Industrial University of Tyumen. pp. 8–54.